

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

ТУДА и ОБРАТНО

Лев Давидович Троцкий

Туда и обратно

Серия «Азиатская одиссея»

pdf предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29422190

Троцкий Лев Туда и обратно:
ISBN 978-5-9500361-5-6

Аннотация

В 1907 году, сразу же после побега из ссылки, Лев Троцкий, под псевдонимом «Н. Троцкий» пишет книгу «Туда и обратно», которая вышла в том же году в издательстве «Шиповник». Находясь в побеге, ежеминутно ожидая погони и доверив свою жизнь и свободу сильно пьющему ямщику Никифору Троцкий становится этнографом-путешественником поневоле, – едет по малонаселённым местам в холодное время года, участвует в ловле оленей, ночует у костра, ведёт заметки о быте сибирских народностей. Перед читателем встаёт не только политический Троцкий, – и этим ценна книга, не переиздававшаяся без малого сто лет.

Содержание

Предисловие	6
Вместо предисловия	11
Туда	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лев Троцкий Туда и обратно

Серия «Азиатская одиссея»

© 000 «Книгократия», 2018

* * *

L. Trotsky

Предисловие

В 1930 году в Берлине была опубликована автобиография Льва Троцкого «Моя жизнь»¹. Из черновика главы, посвящённой второму побегу из сибирской ссылки в 1907 году, автор вычеркнул следующие строки:

«С дороги я писал ежедневно письма своей жене, а на обратном пути вёл дневник, чтоб скоротать время. Письма и дневник легли в основу книжки, которая давно напечатана и по-русски, и на иностранных языках, “Туда и обратно”»².

Символично и крайне характерно для её автора, что «Туда и обратно» будет переиздана в разгар Гражданской войны³, а в 1922 году эта неполитическая книжка будет включена им в состав сугубо политического сборника трудов, посвящённых Первой русской революции⁴. Учитывая все эти переиздания, автор имел основания предполагать, что читателям будет несложно с ней ознакомиться. Однако вскоре в СССР началась тотальная зачистка «троцкистской» литературы. Среди прочих «Туда и обратно» попадала либо в спецхраны библиотек, либо уничтожалась её владельцами...

---

¹ Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. В 2-х тт. Берлин: Гранат, 1930.

² International Institute of Social History, Amsterdam, International Left Opposition Archives, Inv. nr. 734.

³ Троцкий Л. Туда и обратно. Пг.: Госиздат, 1919.

⁴ Троцкий Л. 1905. 4-е изд. М.: Госиздат, 1922. С. 361–422.

Чем эта книжка интересна теперь, через 110 лет после её издания?

Известный литератор Михаил Гершензон в своей краткой рецензии отметил, в первую очередь, событийную сторону: «Описание бегства автора читается с захватывающим интересом. В этой поездке на оленях через тайгу и тундру на протяжении 700–800 вест под ежеминутным страхом погони есть что-то фантастическое». По иронии судьбы, Гершензон вскоре прославился как автор предисловия к «антиреволюционному» сборнику «Вехи», но в 1907 году он ещё отдаёт дань революции: «Можно быть разных мнений о той идее, которой служит г. Троцкий, но нет сомнения, что он весь поглощён ею и служит ей преданно. <...> Велик размах русской жизни! Этот человек, весь поглощённый своей идеей, – отдыхающий на своём неверном пути в жалкой остяцкой юрте, – это два полюса русской действительности»⁵.

В своей знаменитой автобиографии Троцкий признался, что он с детства «мечтал стать писателем», но «подчинил писательство, как и все остальное, революционным целям»⁶. Первый нарком просвещения Анатолий Луначарский, несмотря на свои личные симпатии к Троцкому, акцентировал примат прагматики над поэтикой: «Его статьи и книги представляют собой, так сказать, застывшую речь, –

---

⁵ Гершензон М. [Рец.:] Н. Троцкий. Туда и обратно. Изд. «Шиповник». СПб. 1907 // Вестник Европы. 1907. Кн. 10. С. 306–308.

⁶ Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 62.

он литературен в своём ораторстве и оратор в своей литературе. Поэтому ясно, что и публицист Троцкий выдающийся, хотя, конечно, часто очарование, которое придаёт его речи непосредственное исполнение, теряется у писателя»⁷. «Как писатель, он лишь талантливый журналист» – бросил в его сторону Николай Бердяев⁸. В то же время, Максим Горький назвал Троцкого «лучшим русским публицистом после Герцена»⁹. Можно привести множество других суждений по вопросу о «подчинении» Троцкого-писателя Троцкому-революционеру, но представленная книга свидетельствует о подвижности границ между этими двумя ипостасям. Не случайно, что на пятый год революции автор приступит к публикации своих «дорожных» заметок, сделанных им во время депортации в Испанию в 1916 году¹⁰.

Автор «Туда и обратно», по оценке Гершензона, «излагает живо и просто, прекрасным литературным языком, но без особенной художественности. Кто читал великолепный рассказ о бегстве чрез Сибирь в “Воспоминаниях” Дебогория-Мокриевича¹¹, тому повествование г. Троцкого покажется слишком поверхностным. Оно лишено настроения;

---

⁷ Цит. по: Л. Д. Троцкий, *pro et contra*. СПб: РХГА, 2016. С. 388.

⁸ Бердяев Н. [Рец.:] Л. Троцкий. *Моя жизнь. Опыт автобиографии*. Два тома. Берлин: Грани, 1930–1931 // *Новый град*. 1931. № 1. С. 93.

⁹ Там же. С. 35.

¹⁰ Троцкий Л. *Дело было в Испании (По записной книжке)*. М.: Круг, 1926.

¹¹ Дебогорий-Мокриевич В. *Воспоминания*. Paris: Imprimerie J. Allemane, 1894.

в нем, правда, нет сухости, и скромность, с которой автор описывает своё героическое бегство, подкупает читателя, но эта простота куплена ценою изобразительности и глубины. Это беспритязательный рассказ более о виденном, чем о пережитом, беглые записки о необычайном путешествии. В них много любопытного бытового материала»¹². То, что Гершензон назвал «бытовым материалом», действительно влекло Троцкого с его первых шагов в журналистике.

Он не случайно восхищался Глебом Успенским, великим писателем-бытовиком, во многом открывшим революционеру психологию простого народа. Так, и центральный персонаж «Туда и обратно» зырянин Никифор служил не только ямщиком Троцкого, но и его проводником в «фантастический» мир обитателей остяцких юрт.

Как повествует Троцкий в своей автобиографии, работу над «Туда и обратно» он закончил за несколько недель, в финской деревне Огльбу. Книга вышла в издательстве «Шиповник», прославившемся одноименным альманахом, собиравшим звёздные имена Серебряного века. Возможно, из всей продукции «Шиповника», наибольший резонанс вызвали скандальные романы Федора Сологуба, а модерновые призывы тогда ещё малоизвестного социал-демократа к истории – «Что делаешь, делай скорее!» – растворялись в атмосфере *fn de siècle*... Получив гонорар от издательства, Троцкий отправился во вторую эмиграцию, как оказалось, лишь

---

¹² Гершензон М. Указ. Соч.

затем, чтобы вернуться в Россию через 10 лет и возглавить новую революцию.

Александр Резник

Вместо предисловия

На Стокгольмском социал-демократическом съезде были опубликованы некоторые любопытные статистические данные, характеризующие условия деятельности партии пролетариата:

Съезд в составе своих 140 членов просидел в тюрьме в общем 138 лет и 1/2 месяца.

Съезд пробыл в ссылке 148 лет и 6 1/2 месяцев.

Из тюрьмы бежали: по одному разу – 18 человек, по 2 раза – 4 человека.

Из ссылки бежали: по одному разу – 23 человека, по 2 раза – 5 человек, 3 раза – 1 человек.

Если принять во внимание, что в социал-демократической деятельности съезд участвовал в общем 942 года, то окажется, что пребывание в тюрьме и ссылке составляет по времени около одной трети участия в работе.

Но и эти цифры очень оптимистичны: съезд участвовал в социал-демократической работе 942 года – это значит лишь, что политическая деятельность участников съезда размещается на протяжении 942 лет, но это вовсе не значит, что все 942 года сплошь заполнены политической работой. Может быть, действительная, непосредственная деятельность при условиях подполья составляла лишь одну пятую или одну десятую часть этого срока. Наоборот, пребывание в тюрьме и в

ссылке, было именно таким, каким его изображают цифры: свыше 50 тысяч дней и ночей съезд просидел за решеткой и ещё больший период времени провёл в варварских уголках страны.

Может быть, нам позволено будет, в дополнение к этим данным, привести немножко статистики из собственного прошлого. В первый раз автор этих строк, арестованный в январе 1898 г., после десятимесячной деятельности в рабочих кружках г. Николаева, просидел 2 и 1/2 года в тюрьме и бежал из ссылки, отбыв предварительно 2 года из своего четырёхлетнего срока. Второй раз автор был арестован 3-го декабря 1905 г., как член петербургского Совета Рабочих Депутатов. Совет существовал 50 дней. Осужденные по делу Совета просидели в общем в тюрьме 400 дней, после чего были препровождены в *Обдорск* на «вечное поселение»...

Каждый русский социал-демократ, проработавший в партии лет 10, даст о себе приблизительно такие же сведения.

Существующая у нас после 17-го октября государственная неразбериха, которую готский альманах¹³ с бессознательным юмором юридического педантизма характеризует как конституционную монархию при самодержавном царе, ничего не изменила в нашем положении, этот строй не мирится с нами, даже временно, потому что он органически не

---

¹³ Готский альманах (Almanach de Gotha) – самый авторитетный справочник по генеалогии европейской аристократии, ежегодно издававшийся на немецком и французском языках в 1763–1944 годах в городе Гота, герцогство Саксен-Кобург-Гота. (прим. ред.)

вмещает сознательной жизнедеятельности народных масс. Простаки и лицемеры, которые призывают нас встать на почву права, похожи на Марию-Антуанетту, которая рекомендовала голодающим крестьянам есть бриошь! Подумаешь, что мы страдаем каким-то недугом органического отвращения к бриоши! Подумаешь, что наши лёгкие заражены непобедимым влечением к атмосфере одиночных пещер Петропавловской крепости! Подумаешь, что мы не хотели бы или не сумели бы дать другое применение этим бесконечно долгим часам, которые тюремщик вырывает из нашей жизни!

Мы так же мало влюблены в наше подполье, как утопленник – в морское дно. Но у нас так же мало выбора, – скажем прямо, – как и у абсолютизма. Ясное сознание этого позволяет нам оставаться оптимистами даже в те минуты, когда подполье с зловещей беспощадностью стягивает кольцом нашу шею. Оно не задушит нас, мы в этом уверены! Мы переживём всех! Когда истлеют кости тех великих дел, которые теперь делаются князьями земли, их слугами и слугами их слуг, когда нельзя будет разыскать могилы, в которой будут похоронены многие нынешние партии со всеми своими деяниями, – тогда дело, которому мы служим, будет владеть миром, тогда наша партия, задыхающаяся ныне в подполье, растворится в человечестве, которое впервые овладеет собственной судьбой.

Вся история – это огромная машина на службе наших идеалов. Она работает варварски медленно, с бесчувственной

жестокостью, но она делает своё дело. Мы уверены в ней. И только в те минуты, когда её прожорливый механизм поглощает в качестве топлива живую кровь наших сердец, нам хочется крикнуть ей изо всех сил:

– Что делаешь, делай скорее!

Н. Т.

8/21 апр. 1907 г.

Париж.

Туда

(Из писем)

3 января 1907 г.

Вот уже часа два-три, как мы в пересыльной тюрьме. При-знаюсь, я с нервным беспокойством расставался со своей ка-мерой в «предварилке». Я так привык к этой маленькой ка-юте, в которой была полная возможность работать. В пере-сыльной, как мы знали, нас должны поместить в общую ка-меру, – что может быть утомительнее этого? А далее столь знакомая мне грязь, суматоха и бестолковщина этапного пу-ти. Кто знает, сколько времени пройдет, пока мы доедем до места? И кто предскажет, когда мы вернёмся обратно? Не лучше ли было бы по-прежнему сидеть в № 462, читать, пи-сать и – ждать?.. Для меня, как вы знаете, большой нрав-ственный подвиг – переселиться с квартиры на квартиру. А переезд из тюрьмы в тюрьму стократ мучительнее. Новая ад-министрация, новые трения, новые усилия, направленные на то, чтоб создать не слишком безобразные отношения. Впере-ди же предстоит непрерывная смена начальственных фигур, начиная с администрации петербургской пересыльной тюрь-мы и кончая стражником сибирского села на месте ссылки. Я

уже проделывал однажды этот курс и теперь без особенного вкуса приступаю к его повторению.

Нас перевезли сюда сегодня внезапно, без предупреждения. В приёмной заставили переодеться в арестантское платье. Мы проделали эту процедуру с любопытством школьников. Было интересно видеть друг друга в серых брюках, сером армяке и серой шапке. Классического туза на спине, однако, нет. Нам разрешили сохранить своё бельё и свою обувь. Большой взбудораженной компанией мы ввалились в наших новых нарядах в камеру...

Отношение к нам здешней администрации, вопреки дурным слухам о «пересылке», оказалось весьма приличным, в некоторых отношениях даже предупредительным. Есть основания предполагать, что тут не обошлось без специальных инструкций: наблюдать зорко, но инцидентов не создавать!

Самый день отъезда по-прежнему окружают величайшей таинственностью: очевидно, боятся демонстраций и попыток насильственного освобождения в пути.

10 января

Пишу вам на ходу поезда... Теперь часов 9 утра.

Нас разбудил сегодня ночью в половине четвертого старший надзиратель – большинство из нас едва успело улечься, увлечённые шахматной игрой, – и заявил, что в шесть часов нас отправляют. Мы так долго ждали отправки, что час отъ-

езда поразил нас своей... неожиданностью.

Дальше всё, как следует. Спеша и путаясь, мы уложили вещи. Затем спустились в приёмную, куда привели и женщин с детьми. Здесь нас принял конвой и спешно осмотрел вещи. Сонный помощник сдал офицеру наши деньги. Затем нас усадили в арестантские кареты и под усиленным конвоем доставили на Николаевский вокзал. Замечательно, что наш конвой сегодня экстренно прибыл из Москвы: очевидно, на петербургский не полагались. Офицер при приёме был очень любезен, но на все запросы с нашей стороны отзывался полным неведением. Он заявил, что нами заведует жандармский полковник, который отдаёт все распоряжения. Ему же, офицеру, приказано нас доставить на вокзал – и только. Возможно, конечно, что это простая дипломатия с его стороны.

Вот уже с час, как мы едем, и до сих пор не знаем – на Москву или на Вологду. Солдаты тоже не знают, – эти уже действительно не знают.

Вагон у нас отдельный, третьего класса, хороший, для каждого спальное место. Для вещей – тоже специальный вагон, в котором, по словам конвойных, помещаются десять сопровождающих нас жандармов под командой полковника. Мы разместились с чувством людей, которым безразлично, каким путем их везут: всё равно привезут, куда надо...

Оказывается, едем на Вологду: кто-то из наших определил путь по названию станции. Значит, будем в Тюмени через четыре дня.

Публика очень оживлена, – езда развлекает и возбуждает после тринадцатимесячного сидения в тюрьме. Хотя на окнах вагона решётки, но сейчас же за ними – свобода, жизнь и движение... Скоро ли доведётся возвращаться по этим рельсам?

11 января

Если конвойный офицер предупредителен и вежлив, то о команде и говорить нечего: почти вся она читала отчет о нашем процессе, и относится к нам с величайшим сочувствием. Интересная подробность. До последней минуты солдаты не знали, кого и куда повезут. По предосторожностям, с какими их внезапно доставили из Москвы в Петербург, они думали, что им придется везти нас в Шлиссельбург на казнь. В приемной «пересылки» я заметил, что конвойные очень взволнованы и *странно услужливы*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.